

Наталья Королева

Дочь Теона Книга 2

Наталия Королева

Дочь Теона Книга 2

<https://litres.ru/73988833>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Дочь Теона» — мистический исторический роман, сплетающий воедино науку, философию и тайну, которая пережила шестнадцать столетий. В центре повествования — Гипатия, выдающаяся учёная Александрии V века: математик, астроном и философ. Её жизнь обрывается трагически: став жертвой религиозного фанатизма, она погибает от рук толпы, но перед смертью успевает передать загадочную формулу — «Число Души» (ΨΥΧΣ ΑΠΘΜΟΣ). Продолжение следует...Книга 3. След без пыли.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Наталия Королева

Дочь Теона Книга 2

Глава

Пролог

Март 415 года, Александрия

Она стояла на плоской крыше Музея, вдыхая солёный воздух Средиземного моря, смешанный с пылью улиц и дымом жертвенных костров. Ветер дул с востока — сухой и колючий, он приносил запах нагретого камня, верблюжьей шерсти и благовоний из храма Сераписа. Гипатия подняла глаза к небу — безоблачному, пронзительно-голубому, такому чистому, что казалось: если долго смотреть, увидишь вращение сфер — и в этот миг пришло предчувствие.

Оно возникло не в голове. Не в груди. Оно родилось где-то под рёбрами, с левой стороны, там, где, по словам Платона, находится «вместилище души». Тонкий, как паутина, холодок пополз вверх по позвоночнику, заставив мышцы спины сократиться. Гипатия невольно выпрямилась сильнее — жест, который её ученики называли «знаком истины».

Не страх — страха Гипатия не знала уже двадцать лет, с тех пор как превзошла своего отца Теона в искусстве вычисления небесных сфер. Она помнила тот день: отец, сего-

власый, с вечно воспалёнными от работы глазами и твёрдой, как мрамор, рукой, положил ладонь ей на плечо и сказал при всех: *«Ты видишь дальше, чем я. Отныне ты — астроном Александрии»*. Ей было тогда всего двадцать, но в её взгляде уже жила та странная глубина, которая заставляла мужчин — философов, магов и правителей — опускать глаза.

С тех пор страх покинул её сердце, оставив место лишь любопытству и жадной, почти болезненной жажде познания. Она не боялась ни смерти, ни богов, ни толпы. Но сейчас словно кто-то — невидимый — провёл острым резцом вдоль её позвоночника, отделяя душу от тела. Ощущение было столь острым, столь *физическим*, что Гипатия невольно схватилась за край парапета. Камень под её пальцами — известняк, тёсаный ещё при Птолемах, хранивший тепло целого дня — был обжигающе тёплым. Но её пробирала дрожь. Мелкая, сухая, как песок в час сирокко.

Она зажмурилась на мгновение. Когда открыла глаза — мир не изменился. Внизу по-прежнему шумел город.

Великий. Проклятый. Умиравший.

Глава 1.

Александрия в марте 415 года была похожа на больного, у которого лёгкие ещё дышат, но сердце уже отказало. С высоты крыши Музея — этого последнего бастиона разума — Гипатия видела город, словно перед ней развернулась живая картина распада великой эпохи.

На западе. Там, где закатное солнце золотило колонны Се-

рапеума, жрецы старого культа ещё приносили тайные жертвы. Сейчас, в предвечерний час, Гипатия точно знала: они там. Четырнадцать мужчин в льняных одеждах, с бритыми головами и накрашенными сурьмой глазами. Они шептали древние заклинания на языке, которого не понимали уже три поколения. Их бог — Серапис — был мёртв, но они отказывались это признать. Каждую ночь они зажигали светильники перед его статуей, каждое утро находили масло нетронутым. Гипатия помнила, как отец рассказывал ей о силе веры — даже когда сама вера угасает, её отблеск ещё долго мерцает в сердцах тех, кто не готов отпустить прошлое.

На севере. Море. Тёмное, маслянистое, с белыми барашками волн. Там, за горизонтом, лежал Рим — теперь уже христианский, лицемерный и жестокий. Оттуда пришли законы, запрещающие учить науку. Оттуда же пришли и те, кто называл себя «параваланами» — монахами-разрушителями, слугами нового бога, для которого знание было грехом. Они считали, что мудрость древних — это соблазн, а стремление к познанию — гордыня, ведущая душу в ад.

На востоке. Площадь Парекболон. Гипатия не смотрела туда — она и так знала, что увидит. Толпа. Чёрные рясы. Горящие фанатичным огнём глаза людей, которые ничего не читали, кроме Писания, и ничего не умели, кроме ненависти. Они выкрикивали проклятия в адрес «языческой ведьмы» — её, Гипатии, дочери Теона, последнего астронома Александрии. Их голоса доносились даже сюда, на высоту

тридцати локтей, — гул, в котором она отчётливо различала одно слово: «магия».

— Они не знают, что называется магией, — прошептала Гипатия в пустоту. — Для них даже таблица умножения — колдовство.

Рядом никто не стоял, но она привыкла говорить вслух. Аристотель утверждал, что мысль, облечённая в слово, становится острее. Гипатия верила Аристотелю.

Она отвернулась от города. Крыша Музея была её убежищем. Здесь, среди астрономических инструментов — армиллярных сфер, гномонов, и медных астролябий с тончайшей гравировкой, — она чувствовала себя в безопасности. Но только не сегодня. Предчувствие не уходило. Оно лишь меняло форму, то сжималось в тугой комок под рёбрами, то растекалось по телу ледяными ручейками.

Гипатия прошла вдоль парапета к южной стороне. Там, в нише, стоял её главный инструмент — небесный глобус, подаренный отцом. Сфера из кованой бронзы, диаметром в три локтя, на которой были выгравированы все известные звёзды и планеты. Солнце, отражаясь от полированной поверхности, бросало на камень пляшущих зайчиков. Гипатия коснулась пальцами эклиптики — линии пути Солнца — и почувствовала подушечками тонкие царапины. Их оставил её отец. И его отец до него. Каждое поколение учёных оставляло свой след на этом глобусе — незримую эстафету познания.

— Мы все умрём, — сказала она тихо. — Но не знание.

В этот момент ветер переменился. Он принёс запах — странный и незнакомый. Не рыбы. Не дыма. Не благовоний. Что-то металлическое, острое, как запах молнии после удара в песок. И одновременно сладковатое, приторное, как увядающий гиацинт. Гипатия замерла, вслушиваясь в свои ощущения. Этот запах будил что-то глубоко внутри — смутное воспоминание.

Сзади — она была в этом уверена — кто-то стоял.

Гипатия медленно обернулась. На краю крыши, в тени колоннады, виднелась фигура. Человек не двигался, но его присутствие ощущалось так же явственно, как дуновение ветра. Он был одет в длинный плащ с капюшоном, скрывававшим лицо. В руках он держал свиток, перевязанный красной нитью.

— Кто ты? — спросила Гипатия, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Незнакомец не ответил. Вместо этого он сделал шаг вперёд, и Гипатия увидела, как блеснули его глаза — тёмные, глубокие, словно бездна космоса, которую она изучала всю жизнь.

— Время пришло, — произнёс он наконец низким голосом. — Ты должна узнать то, что скрыто. То, что они пытаются стереть из памяти мира.

Гипатия почувствовала, как учащается её пульс. Слова незнакомца отозвались в ней эхом давнего предчувствия.

— Что ты знаешь? — спросила она, делая шаг навстречу.

Незнакомец развернул свиток. На пергаменте были нацертаны символы — не греческие, не латинские, а какие-то иные, словно пришедшие из другого времени.

— Это ключ, — сказал он. — Ключ к тому, что было утрачено. И к тому, что ещё предстоит открыть.

Ветер снова усилился, развевая края плаща незнакомца. Где-то внизу, в городе, раздался крик — то ли торговца, то ли фанатика с площади Парекболон. Но Гипатия уже не слышала его. Её взгляд был прикован к символам на свитке, и в душе зарождалось новое чувство — не страха, а решимости.

Глава 2.

Солнце — уже клонящееся к западу, длинное и красное — светило прямо на незнакомца. Каждая колонна, каждый инструмент, даже маленький медный диск на треноге отбрасывали чёткую чёрную тень. Но у незнакомца тени не было.

— Ты не человек, — сказала Гипатия. Без страха, с холодным любопытством натуралиста, который впервые увидел новый вид жука и теперь изучает его с отстранённым интересом.

— Человек, — ответил незнакомец. — Был им. Давно. В другом измерении.

Он подошёл ближе. Теперь Гипатия могла разглядеть его руки: пальцы были слишком длинными, с тремя суставами вместо двух, а кожа на них блестела, как внутренность устрицы. Линии на ладонях казались нечёткими, будто их слег-

ка размыло временем.

Гипатия невольно задержала дыхание. Диск притягивал взгляд — не блеском, а какой-то внутренней глубиной.

— Что это? — спросила она, не решаясь взять предмет.

— Твоя судьба, — незнакомец пожал плечами.

Он протянул диск. Когда металл коснулся ладони Гипатии, она почувствовала вибрацию — низкую, глубокую, как голос быка в храме Мемфиса. Диск не просто звенел — он *пел*. Вибрация шла сквозь тело, вызывая странное ощущение: будто каждая клетка вдруг вспомнила что-то давно забытое.

— Кто ты? — повторила Гипатия, стараясь унять дрожь в голосе.

— Последний библиотекарь, — сказал незнакомец. — Ты меня не знаешь. И хорошо. Если бы знала — пришлось бы тебя убить.

Он повернулся, собираясь уйти. Сделал два шага к краю крыши — туда, где не было лестницы, только тридцатиметровая пропасть до мостовой.

— Подожди, — голос Гипатии прозвучал твёрже, чем она ожидала.

Незнакомец замер, не оборачиваясь.

— Что значит «последний»? — спросила Гипатия.

— То и значит, — он медленно обернулся. — После того, как они сожгут то, что спрятано под полом, — не останется никого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.